

Д.О. ПОЛОВЦЕВ

**АНТИУТОПИЧЕСКИЕ МИРЫ Е. ЗАМЯТИНА, ДЖ. ОРУЭЛЛА
И О. ХАКСЛИ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ**

Романом «Мы», как известно, Е. Замятин по существу открыл в литературе XX века новый жанр: роман-антиутопию. Его открытие в какой-то степени повлияло на творчество Дж. Оруэлла и О. Хаксли. В Европе романом восхищались, в нём увидели неприятие перспектив, которые открывались перед новой Россией, и в 1932 году замятинские мотивы прозвучали отчетливо в вышедшем романе О. Хаксли «О дивный новый мир». Английский прозаик не скрывал, что толчком, из которого явился замысел «Дивного нового мира», было чтение «Мы».

«О дивный новый мир» вслед за «Мы» рассказывает о бунте природного человеческого духа против рационального, механизированного, бесчувственного мира; в обоих произведениях действие перенесено на шестьсот лет вперед. Атмосфера обеих книг схожа, в них изображается, грубо говоря, один и тот же тип общества, хотя у О. Хаксли заметнее влияние новейших биологических и психологических теорий. Для романов Замятина и Хаксли характерна также постановка вопроса о соотношении цели и средств, необходимых для преобразования в желаемом направлении такого материала, как человеческая природа.

Оба романа пронизывает деформация личности и искоренение из человека человеческого с детства, с младенчества, с рождения. Хаксли, как и Замятин, изображает общество, отвергшее мысль об изначальной духовности человека, общество, исповедующее вульгарно-материалистические взгляды на жизнь. Именно такая точка зрения на возникновение и развитие жизни господствует в Инкубационно-Воспитательном Центре.

Хаксли, как и Замятин, видел угрозу человеку не только со стороны научно-технического прогресса, но и со стороны власти. Антиприродность общества, его антидуховность концентрируются в моменте рождения. Продукция Инкубационно-Воспитательного Центра у Хаксли расценивается как «улучшение природного процесса». Символом антиприродности романа является дитя, выращенное в бутылке, передвигающейся по конвейерной ленте из Зала Оплодотворения в Зал Раскупорки. Животорождение становится атрибутом мира животных, а не людей, которые благодаря науке и технике возвысились над природой и одержали над ней победу. Отцовская и материнская Нормы, Воспитательный Завод, наука детоводства – достижения научно-технического прогресса в романе «Мы».

Оба романа дополняют друг друга. Иногда кажется, что Хаксли острее

и резче, например, в расследовании механизмов «нового» искусства: исключительным прозрением стал его «суперпоющий, синтетико-речевой, цветной стереоскопический осязательный фильм с синхронным органо-запаховым сопровождением» о любви негра и блондинки или угаданное им сведение культуры к «эмоциональной инженерии». Иной раз глубже и вернее выглядит Замятин, например, в предсказаниях космической эпохи и даже в описаниях заатмосферного пространства, которое до 60-х годов XX века никто из людей не мог наблюдать: «Нестерпимо яркая, чёрная звёздная солнечная ночь».

При своём появлении роман Хаксли «О дивный новый мир» был воспринят как сатира, но вскоре в романе обнаружились более глубокие смыслы. Самым ясным из них была тревога, вызываемая бездуховностью и стандартизацией, в которых писатель опознал знамение века. Стало ясно, что он не ошибся; «дивный мир», где коренными принципами объявлены общность, одинаковость, стабильность, оказался прообразом потребительской эпохи.

Отдельной темой современного литературоведения стало сопоставление замятинского «Мы» и романа Дж. Оруэлла «1984». Оруэлл впервые познакомился с романом «Мы» во французском переводе в 1946 году, то есть в период усиленной работы над собственной антиутопией «1984». И действительно, в структуре романов, поступках героев есть много общего: «высокоорганизованное» общество будущего, основанное на насилии и управляемое всесильным правителем, любовная линия главного героя, заговорщики и их разоблачение и т.д. Уже в своей рецензии на замятинский роман Дж. Оруэлл сформулировал главный вызов Замятину – неприятие схемы будущего государства, которое компенсирует отнятую у граждан свободу покоем и благополучием. По Оруэллу, за несвободой следуют лишь лишения и террор.

В «Мы» и «1984» много сходного. В обеих книгах изображена жесточайшая диктатура, которую возглавляет у Замятина Благодетель, у Оруэлла – Старший Брат. И там, и там – пытки и казни, у Оруэлла они изощреннее. У Оруэлла есть ещё одно новшество: переделка прошлого в угоду сегодняшнему дню. Герой романа этим занимается по должности: вносит исправления в старые газеты. В обоих романах любовь толкает к протесту, а протест подавляется государством – у Замятина уничтожением способности к фантазированию, у Оруэлла – перевоспитанием в Министерстве любви. Там герою внушают любовь к Старшему Брату. Отныне он послушен, всем доволен и ни о чём не думает самостоятельно.

Одной из общих составляющих всех трёх антиутопических миров является жесткое кастовое деление. Общество, в котором миллионы воли слиты в единую волю, нуждается в диктаторе, который бы эту волю

направлял. Поэтому речь здесь идет уже не о юридическом, экономическом неравенстве, а о неравенстве внутреннем, предполагающем деление людей с самого рождения на тех, в чьих руках будет безграничная власть, и на тех, чей удел – безграничное повиновение.

Антиутопии Е. Замятина, Дж. Оруэлла и О. Хаксли изображают настроения настоящего и картины будущего схоже. Эта трилогия может быть названа «антиутопией середины двадцатого века». Важный момент всех трёх антиутопий в том, чтобы не только показать будущее, к которому мы движемся, но и объяснить исторический парадокс. Несмотря на вышеперечисленные сходства трёх «негативных» утопий, между ними имеются заметные отличия в форме тех или иных акцентов и деталей.

Роман «О дивный новый мир» Хаксли изображает мир, где каждому дозволено делать то, что угодно. Фактически, у жителей нет иного выбора, они не могут вести себя по-другому. Каждый из трёх антиутопистов живёт в собственном мире. У Замятина это мир «номеров», а не личностей; у Хаксли перед нами предстаёт довольно миролюбивый «спокойный» вариант регламентированного и пассивного общества; будущее в романе Дж. Оруэлла мрачней. Его мир – это мир сверхдержав, непрерывно воюющих между собой. Война необходима для них, потому что именно ненависть – та основа, на которой только и могут держаться тоталитарные режимы.

Все три антиутопии утверждают, что возможно обесчелочить личность. Если мир «1984», например, станет доминирующим на планете, то это будет мир безумцев, нежизнеспособный мир. Мы полагаем, что ни Оруэлл, ни Хаксли или Замятин не хотели настоять на том, что такой мир обязательно настанет. Они считают, что новая форма административного индустриализма, при котором человек создаёт машины, которые действуют как человек, воспитывает человека, который действует как машина, приведёт к эре обесчелочения и полного отчуждения, при которой человек превращается в приложение к процессу производства и потребления. Все три автора подразумевают, что опасность скрывается в современном состоянии общества. «Мы», как и «1984», как и «О дивный новый мир» предупреждают нас об опасности, которая стоит сегодня перед всеми людьми, об опасности общества роботов, которые потеряли последние следы индивидуальности, любви, критического мышления, даже не осознают этого.